

Н. Н. ЦВЕТАЕВА

**ОТ ТРАДИЦИИ К ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ:
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ
В СЕМЕЙНЫХ И ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Результаты целого ряда исследований свидетельствуют о нелинейном характере глобального процесса демографической модернизации и проблематизируют неоднозначность этого процесса в разных его проявлениях. В статье представлены результаты качественного исследования, которые дают возможность дополнить некоторые характеристики этой проблемы. На основе автобиографических нарративов женщин двух поколений анализируются изменения в семейных и гендерных отношениях в постсоветское время. В статье обсуждаются следующие вопросы: устойчивость традиционных норм и ценностей в семейных и гендерных отношениях, противоречивое сочетание традиционных норм и ценностей с эгалитарными установками советской эмансипации, противоречия между представлениями женщин о семейных и гендерных отношениях и реальными практиками их семейной жизни. Автор делает выводы, что в постсоветское время происходят изменения во взглядах женщин на семейные и гендерные отношения, которые характеризуются усилением независимости и прагматических ориентаций в этих отношениях. Эти изменения автор рассматривает как одну из определяющих тенденций глобального процесса демографической модернизации — индивидуализацию частной жизни современного человека.

Ключевые слова: качественное исследование, автобиографические нарративы, демографическая модернизация, семейные и гендерные отношения, межпоколенческие различия.

Введение

Качественное социологическое исследование, эмпирическим материалом которого являются автобиографические нарративы (истории жизни, дневники, переписка и другие свидетельства биографического характера обычных людей)¹ дает одну из возможностей исследовать,

---

¹ Термин «нарратив» используется в качественных исследованиях для обозначения любых текстовых данных биографического плана (дневников, писем, разговоров и т. д.), чтобы подчеркнуть «качественный» характер изучаемого материала. Подробнее о проблемах использования этого термина см.: (Ярская-Смирнова 1997; Пузанова, Троцук 2003; Троцук 2006).

как протекают глобальные социальные процессы на микроуровне социальной жизни, на уровне локальных форм существования ее ценностных основ, социальных установок и нормативных ориентаций повседневной жизни людей. В современной социологии такие нарративы сегодня уже признанный источник как социального знания, так и сохранения исторической и культурной памяти общества, который расширяет горизонт видения и понимания происходящих в обществе социально-культурных изменений. В методологии качественного исследования автобиографические нарративы рассматриваются не только как свидетельства о реальности, но и как социальная конструкция, коммуникативная стратегия, анализ которой раскрывает субъективную сторону исторических процессов и тем самым позволяет понять, как складываются и как изменяются ценностные основы общества (Семенова 1998; Голофаст 2000; Готлиб 2004; Козлова 2000). Заключенный в таких нарративах опыт жизни людей, раскрывая многообразие и сложность реальной жизни, продуцирует гипотезы для изучения еще не выраженных ясно тенденций общественного развития. Это особенно важно для изучения социально-культурных изменений, которые, как очевидно, не происходят моментально, а накапливаются в результате множества невидимых микроисторий в повседневной жизни людей, и только спустя какое-то время, казалось бы, вдруг, проявляются как статистический факт, как привычное для традиционных социологических опросов репрезентативное обобщение.

Концептуализация проблемы и некоторые сопоставления

Изменения нормативных представлений и ориентаций в сфере семейных и гендерных отношений рассматриваются сегодня в контексте глобальных тенденций, получивших название второго демографического перехода, или демографической модернизации. К этим тенденциям относят нуклеаризацию и малодетность семьи, увеличение возраста вступления в брак и рождения детей и, как результат, усиливающую индивидуализацию частной жизни, расширение области индивидуальной свободы и возможностей выбора индивидуального жизненного пути (Демографическая модернизация России 2006).

Важно отметить, что уже в советское время анализировались некоторые из этих тенденций, свидетельствующие о встроенности российской семьи в общеевропейский модернизационный процесс. Так, в монографии «Семья в крупном городе», основанной на ряде

исследований конца 70-х — начала 80-х гг. XX в., были сделаны выводы, которые вполне созвучны современным исследованиям демографической модернизации. Прежде всего, это выводы об эволюции нормативного сознания российской семьи в сторону симметрии мужских и женских моделей поведения, индивидуализации семейных ролей и межпоколенческих отношений и др. В этом же контексте анализировалась еще одна важная характеристика происходящих в этой сфере изменений. Речь шла о неоднозначной динамике нормативного сознания внутри семьи, о диссонансах между нормативными ориентациями членов семьи и их реальным поведением, которые во многом определялись устойчивостью традиционных норм и ценностей семейного поведения. И, наконец, все эти характеристики нормативного сознания в этой сфере рассматривались в рамках усиливающейся тенденции индивидуализации частной жизни современного человека, которая анализируется и сегодня как одна из определяющих характеристик демографической модернизации (Голофаст 2004: 198–216).

В постсоветское время системная трансформация общества расширила области демографической модернизации, породив сравнительно новые для российского общества тенденции: снижение брачности, увеличение количества нерегистрируемых браков, увеличение внебрачных рождений, разделение института брака, семьи, родительства, супружества и др. (Елисеева, Клецин 2010: 145–146). Однако, несмотря на то, что теперь процесс демографической модернизации приобрел более масштабный характер, результаты социологических исследований, как и раньше, ставят вопросы о неоднозначной динамике нормативного сознания в этой сфере, о разрывах и несоответствиях между меняющимися в новых условиях практиками семейного поведения и устойчивостью патриархатной культуры, традиционных представлений об этом поведении (Мещеркина 2002: 16; Попова 2009: 183; Российская повседневность в условиях кризиса 2009: 79).

Неоднозначность происходящих в этой сфере изменений и устойчивость традиционных норм и ценностей в семейных и гендерных отношениях характерна не только для России. В сравнительном исследовании нормативных взглядов россиян и европейцев на семейные ценности делаются выводы о заметной внутристрановой неоднородности этих взглядов, а также о том, что в каждой стране процессы демографической модернизации развиваются постепенно, неравномерно охватывая разные сегменты общества (Фабрикант,

Магун 2014)². Противоречивость тенденций, определяющих динамику демографической модернизации, характеризует и точка зрения, что тенденции развития европейской семьи самого последнего времени заставляют усомниться в том, что в России, как и в других развитых странах, место старой семьи заступает новая, достаточно стабильная нуклеарная малодетная семья городского типа, сильно отличающаяся от патриархальной. (Демографическая модернизация 2006: 85). И, наконец, симптоматичным и значимым свидетельством неоднозначности происходящих в этой сфере изменений является описание двух разных сценариев второго демографического перехода, который датируется концом 1960-х гг. в западноевропейских странах и серединой 1990-х гг. в странах Восточной Европы и России. В первом сценарии эти изменения связываются с ростом благосостояния населения, распространением ценностей индивидуализма и повышением значимости личностной самореализации, а источником распространения этих ценностей называются наиболее образованные и наиболее обеспеченные представители общества. По другому сценарию распространение инновационных норм поведения в этой сфере связывается с трансформацией в начале 1990-х гг. экономической модели, а носителями этих норм (таких как совместное проживание и рождение детей вне брака, высокая нестабильность партнерства и т. д.) называются представители менее образованных и менее обеспеченных слоев населения. И здесь фиксируется парадокс, когда эти слои населения, как правило, продолжают разделять традиционные ценности (Попова 2009: 168).

Данные и методы

Таким образом, результаты целого ряда исследований свидетельствуют о нелинейном характере глобального процесса демографической модернизации и проблематизируют неоднозначность и противоречивость этого процесса в разных его проявлениях. В рамках этой статьи предпринята попытка в какой-то мере дополнить характеристики этой проблемы, проанализировав изменения в семейных и гендерных отношениях на материале автобиографических нарративов из собрания Биографического фонда Социологического института РАН — филиала

---

² Отметим также, что по результатам этого исследования на европейском фоне Россия — страна со средне-высоким уровнем традиционности нормативных взглядов на семейные ценности, хотя степень традиционности неодинакова для различных норм, регулирующих эту сферу.

ФНИСЦ РАН³. В исследовании использовался поколенческий подход, который дает возможности анализировать происходящие в ценностном сознании общества изменения через призму внутри- и межпоколенческой дифференциации. Из материалов Фонда в типологическую выборку вошли автобиографические нарративы женщин двух поколенческих когорт⁴ — старшей когорты, формативный период жизни которой приходится на советское время, и более молодой когорты, формативный период жизни которой приходится на время реформ при переходе к рыночной экономике. Предполагалось, что нарративы женщин этих когорт в определенной мере репрезентируют представления о семейных и гендерных отношениях двух разных эпох в жизни российского общества и позволят увидеть, как меняются эти представления в постсоветское время в контексте противоречивых тенденций глобального процесса демографической модернизации. Единицей анализа представлений о семейных и гендерных отношениях были оценочные суждения, которыми женщин этих когорт описывали опыт семейной жизни и опыт гендерных отношений в целом⁵. Семантическое поле этих суждений интерпретировалось по двум типам характеристик. Анализировались как описываемые в нарративах сюжеты и практики (замужество, рождение детей, конфликты, разводы, включая отношения в родительской семье и с родительской семьей), так и соответствующие этим сюжетам и практикам лексические образцы повседневного языка, лексическая символика нарративов, которую использовали авторы нарративов, мотивируя свои решения и практики в этой сфере⁶.

³ Биографический фонд был создан в Социологическом институте РАН в 1989 г. (сейчас Социологический институт — филиал Федерального научно-исследовательского центра РАН). В число материалов Фонда входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Сегодня собрание Фонда насчитывает более 800 единиц хранения и постоянно пополняется.

⁴ Для концептуального обоснования отбора автобиографических нарративов женщин этих поколенческих когорт использовались понятия «эффект времени» и «формативный период», разработанные в социологии поколений (Семенова 2009: 17–24).

⁵ Надо подчеркнуть, что и представления о семейных отношениях, и опыт семейной жизни сегодня имеют разные формы и не всегда означают наличие собственной (традиционной) семьи автора нарратива, как в прошлом, так и на момент его написания. В этой связи в исследовании использовалось более емкое понятие — представления о семейных и гендерных отношениях.

⁶ В типологическую выборку было включено по 20 нарративов каждой поколенческой когорты. Все эти нарративы хранятся в Биографическом фонде и написаны в конце 1990-х — начале 2000-х гг.

Традиционные ценности в метафорах и реалиях жизни женщин старшей когорты

Устойчивость традиционных ценностей и традиционных взглядов на семейные и гендерные отношения отмечается не только в исследовании этой сферы, но и в исследованиях социокультурной модернизации российского общества в целом. При этом подчеркивается, что, несмотря на воздействие идущих в стране за годы реформ преобразований, эти ценности со временем восстанавливают свое влияние на общество (Горшков 2009: 17). Рассмотрим, как эта проблема представлена в автобиографических нарративах женщин старшей когорты, социализация которых пришлась на советское время.

Лексическая символика нарративов считается значимой характеристикой для распознавания коллективных образов и представлений о том или ином явлении жизни общества, а также для определения самоидентификации поколения (Семенова 2009: 136). Вот какие лексические стереотипы и метафоры характеризуют традиционность взглядов женщин на семейные и гендерные отношения: *«любовь с первого взгляда», «жить ради любви», «найти свою судьбу», «связать свою «судьбу», «судьба и на печке найдет», «засидеться в девках», «впитать с молоком матери», «жить по маминой указке», «наговоры свекрови», «жена своего мужа», «быть за мужем, как за каменной стеной», «начать совместную жизнь с чайной ложки», «создать семью», «жить для семьи», «спасти семью», «жить душа в душу», «безотцовщина», «куда нитка, туда и иголка», «сели на шею родителям», «родители мечтали, чтобы их дети выбились в люди».*

Интерпретируя эти метафоры, прежде всего, надо отметить, что они довольно точно отражают основные темы, которые женщины включают в свои автобиографические нарративы, рассказывая об опыте семейной жизни и гендерных отношений. Эти темы: *романтическая любовь, судьба, влияние матери (или свекрови) на семейную жизнь дочери (или невестки), принципы воспитания детей и отношения с родителями и прародителями.* В свою очередь, все эти темы в той или иной степени характеризуют не только представления женщин о семейных и гендерных отношениях, но и породившие эти представления культурные образцы и практики на разных этапах жизненного пути женщины.

Очевидно, что большую часть этих метафор можно отнести к традиционным, «патриархатно» окрашенным, представлениям о семейных и гендерных отношениях, и они характеризуют в основном нарративы

женщин старшей возрастной когорты. Однако если внимательно проанализировать контекст этих метафор, конкретные семейные ситуации и практики, которые женщины описывают в своих нарративах, то традиционно-патриархатная окрашенность их взглядов не кажется столь очевидной. Эти ситуации и практики говорят о том, что женщины этой когорты, наряду с профессиональной и, в ряде случаев, общественной деятельностью, играют определяющую роль в организации семейной жизни, а также в организации жизни детей (причем даже взрослых детей) и что, в целом, мужского доминирования в качестве главы семьи нет. Традиционные же представления о предназначении женщины они обнаруживают тогда, когда ради сохранения семьи жертвуют личными интересами, терпя, например, авторитарный характер мужа или борясь с его алкоголизмом: *«Вообще я была довольно деятельная и активная. Все вроде бы было хорошо, но тут пришла беда — муж начал пить. Мои уговоры, просьбы, скандалы ни к чему не приводили, сказалось и то, что отец у него был алкоголиком (о чем раньше я не знала). Билась я за него, как могла. Не один раз решила развестись, да вставал вопрос, куда деваться мне с ребенком — к родителям не могла, и у них уже сестра моя с ребенком и без мужа жила, в тот период погиб старший брат, и если бы я еще появилась со своей бедой, это окончательно сразило бы моих родителей. Не знаю, почему я его не бросила, любви к нему никакой уже и не было, оставалось чувство долга и ответственности за человека, с которым связала меня судьба»* (51 год, главный инженер).

Это противоречивое сочетание традиционно-патриархатных представлений о предназначении женщины как хранительницы очага и активно-достижительных практик профессиональной и семейной жизни во многом объясняется двойственным положением женщины в советском обществе, в котором проходила большая часть жизни женщин старшей когорты. Известно, что советское законодательство провозгласило равенство женщин, включив их в профессиональную деятельность и освободив от экономической зависимости. Тем не менее в бытовой сфере была сохранена патриархатная модель жизни, которая предполагала сочетание полной занятости женщины с ролями матери и домохозяйки. И женщины принимают эту «тройную нагрузку», как свидетельствуют их нарративы, как *естественный* порядок вещей: *«В настоящее время я уже пенсионерка. Единственная дочь к моему уходу на пенсию подарила мне внучку. В основном мне приходится заниматься воспитанием внучки, и я совмещаю все*

обязанности женщины (магазины, очереди, приготовление пищи, уборки, стирки и пр.)» (60 лет)⁷. Возможно также, что в устойчивости такого рода представлений и практик определенную роль играют и исторически сложившиеся «матриархатные» тенденции в организации семейной жизни, которые лежат в основах крестьянской семьи XIX в. (Голофаст 2004: 105–106) и которые сохраняются в силу того, что демографическая модернизация, как и другие стороны советской модернизации, считается «консервативной» (Вишневецкий 1998: 7)⁸.

Еще одним объяснением противоречий между традиционно-патриархатными представлениями о предназначении женщины и практиками семейной жизни может быть довольно характерная для советского времени *неполная* семья. Описываемые в литературе формы неполной семьи, когда мужа отсутствуют по причине смерти или развода (Голод 2010: 112), нарративы женщин этой когорты позволяют дополнить еще одной формой. Как правило, в их нарративах мужа присутствуют при описании семейной жизни лишь формально, но фактически отсутствуют, так как не принимают участия в организации семейной жизни и воспитании детей, часто из-за алкоголизма: «В 1992 году пришлось уволиться по собственному желанию из-за задержки зарплаты. Нужны были деньги, ведь на иждивении у меня трое детей. На мужа надежды не было, очень пил и в 1994 умер» (50 лет). Подтверждением незначительного участия мужчин в организации семейной жизни является и то, что в нарративах женщин старшей когорты мужчины появляются либо на ранних этапах семейной жизни (при заключении брака, романтической любви и т. п.), либо при неудачно сложившейся семейной жизни, когда речь идет о разводе с мужем, смерти мужа или алкоголизме мужа. Но мужчины почти не упоминаются как партнеры в организации семейной жизни и принятии семейных решений. И среди *структурных каналов* семейных отношений: «муж–жена», «родители–дети», «супруги–родственники», «дети–прародители»⁹ —

⁷ Отметим также, что представления об *естественности* такого порядка вещей высказывают женщины этой когорты вне зависимости от их социального положения и образования.

⁸ Тем не менее надо отметить, что в исследовании Пекки Рууса, который изучал автобиографические нарративы послевоенного поколения финнов (тех, кто родился после 1940 г. и получил высшее образование), описываются устойчивые традиционно-патриархатные представления о семейных отношениях, когда функции по принятию семейных решений и воспитанию детей находятся у отцов. См.: (Руус 1993).

⁹ С. И. Голод рассматривает эти каналы как всестороннюю деятельную палитру для раскрытия возможностей современного типа семьи, названного им супружеским типом семьи, которая основана на личном взаимодействии мужа и жены (Голод 2008: 45).

самым редким оказывается описание отношений «муж–жена». Можно предположить, что «исключение» женщинами этой когорты мужчин как партнеров по организации семейной жизни оказывается до некоторой степени результатом их собственной активности, восприятия ими «тройной нагрузки» как нормы, как *естественного* порядка вещей и даже предмета гордости¹⁰. Тем более что эта норма в какой-то мере обусловила их независимость в семейных и гендерных отношениях. Кроме того, отсутствие в нарративах женщин этой когорты традиционного мужского доминирования в качестве главы семьи можно интерпретировать и как кризис культурного образца — кризис гегемонической маскулинности (Мещеркина 2002: 15–16).

На фоне этой малозаметной роли мужчин в нарративах женщин старшей когорты контрастно представлена ценность материнства и отношения к детям. Описанию практик воспитания детей и своего рода служения им они уделяют большое внимание: *«С мужем мы несколько раз сходились, расходились, я сделала много попыток сохранить семью, но ничего не получилось. Я решила посвятить всю жизнь дочери, она для меня стала единственной радостью и надеждой. Я уделяла дочери все свободное от работы время. По выходным мы всегда ездили за город или на каток в наш ледовый заводской дворец. По возможности занимались спортом»* (52 года). Кроме того, для женщин этой когорты наличие в семье детей часто оказывается обязательным и необходимым условием ее сохранения, а также удержания в семье мужа. Причем, даже в тех случаях, когда приходится прибегать к обману: *«Мне было уже 23,5 лет. И я решила оставить ребенка, так как это счастливый случай спасти семью. В противном случае — наоборот — остаться без мужа, но с ребенком. В то время еще считалось, что рожать без мужа не очень приятно, какой-то стыд. Своему мужу я сказала, что ребенок от него»* (45 лет).

Но даже в тех случаях, когда детей в семье нет, эта тема, так или иначе, затрагивается в нарративах женщин старшей когорты. И среди уже упомянутых *структурных каналов* семейных отношений («муж–жена», «родители–дети», «супруги–родственники», «дети–прародители») наиболее распространенным каналом оказывается описание отношений «родители–дети». Таким образом, наличие детей в семье выглядит в нарративах женщин этой когорты центральным

¹⁰ Исследование С. Ашвин подтверждает, что советские женщины воспринимали необходимость сочетать работу и семью как естественную норму и даже гордились своей способностью все «успевать» и «крутиться» (Ашвин 2000: 65).

образующим семью фактором, свидетельствуя о распространенности *детоцентристского* типа семьи и, что важно, соответствующих этому типу семьи традиционных представлениях и традиционных ценностях (Голод 2003: 118). В то же время «детоцентризм» женщин этой когорты во многом объясняется как распространенностью форм неполной семьи, так и отсутствием партнерских отношений в полных семьях, отстраненностью мужчин от процесса воспитания детей.

И, наконец, надо отметить, что многие характеристики представлений женщин старшей когорты о семейных и гендерных отношениях объясняются, на наш взгляд, своего рода идеологической нагруженностью этих представлений, унаследованной от общего стиля советской эпохи — множества табу на проявление гендерной самоидентификации женщин. По всей видимости, именно поэтому в нарративах женщин этой когорты личностные проявления и гендерная самоидентификация часто выстраиваются в рамках традиционно-патриархатных отношений и проявляются как жертвенность ради сохранения семьи и ориентация на *детоцентристский* тип семьи при отсутствии партнерских отношений в семьях. Причем, это выглядит привычной для женщин этой поколенческой когорты нормой и не вызывает с их стороны протеста, даже когда им приходится серьезно поступаться личными интересами.

Что меняется и что наследуется молодыми женщинами в семейных и гендерных отношениях

Рассмотрим теперь, в каких характеристиках можно увидеть изменения в представлениях о семейных и гендерных отношениях в автобиографических нарративах женщин более молодой возрастной когорты, формативный период жизни которой приходится на время радикальных реформ при переходе к рыночной экономике. Какие представления и практики своих матерей они наследуют и в каком направлении меняются эти представления и практики.

Нарративах молодых женщин свидетельствуют, что они отчасти наследуют «матриархатные» тенденции и практики доминирования своих матерей в организации семейной жизни. Однако если в нарративах женщин старшей когорты эти практики окрашены готовностью всеми силами сохранять семью и даже жертвовать личными интересами (например, борясь с алкоголизмом мужей), то в нарративах молодых женщин эти практики больше похожи на сохранение дистанции

в отношениях с мужчинами и даже манипулирование ими: *«Он был некрасивый, в очках. От нечего делать стали встречаться... Постепенно он стал раскрываться передо мной как человек. Добрый, заботливый, им можно было покомандовать»* (23 года).

В нарративах молодых женщин (как правило, очень молодых) часто встречаются ссылки на традиционный характер влияния их матерей при принятии молодой женщиной решения о замужестве или рождении детей: *«Я жила по маминой указке, узнав, что будет ребенок, я, прежде всего, подумала, что скажет мама»* (22 года). В этой связи надо отметить, что в нарративах женщин обеих возрастных когорт часто описывается влияние свекрови (матери мужа) на семейную жизнь сына. Причем, об этом влиянии в большей степени говорят нарративы молодых женщин, что до некоторой степени также свидетельствует об усилении доминирующей роли матерей в организации жизни детей и об «отсутствующих» (как уже говорилось, по разным причинам) отцах и, как следствие, своеобразной психологической зависимости сыновей от матерей: *«Вчера мы купили машину, конечно, это хорошо, но я знаю, что мужа своего я теперь вообще видеть не буду, так как два дня он работает, а два дня отдыха он теперь будет проводить с машиной. А наступит весна, его мама скажет «вези нас на дачу, а через неделю заberi», так и будет им командовать, хотя он и сейчас во всем ее слушается, а мне это не нравится, но я понимаю, мама есть мама»* (22 года).

Что касается описываемых в нарративах мотивов замужества, которые являются одной из значимых характеристик нормативных представлений о семейных и гендерных отношениях, то женщины обеих когорт таким мотивом называют любовь. Наиболее ярко свои ориентиры на романтическую любовь как основу брака описывают молодые женщины: *«Я жила для любви и ради любви. Я всегда считала, что истинным тылом для человека является семья. И до сих пор (стыдно признаться) верю в эту скучную фразу: “не в деньгах счастье” и даже про “рай в шалаше”»* (27 лет). Однако романтические ориентиры на любовь как основу брака в ряде случаев не мешают молодым женщинам выходить замуж без любви (иногда даже сохраняя при этом любовь к другому мужчине). И в целом эти ориентиры предстают в нарративах молодых женщин скорее как культурный образец, тогда как описываемые ими практики, например, решения о замужестве, выглядят вполне прагматично: *«Я не собиралась связывать свою судьбу с этим человеком, но кто-то свыше распорядился иначе. Я забеременела, но узнала об этом лишь два месяца спустя.*

Так уж подвела меня природа. Делать аборт я побоялась, так как первая беременность. Володя (так зовут моего избранника) не был против ребенка. Пришлось пожениться. Все кругом осуждали. Лучшие не могла найти?» (23 года).

Отметим также, что это противоречивое сочетание представлений о любви как нормы при заключении брака и практик реального поведения свойственно и женщинам старшей когорты. Однако причины отказа от ориентиров на любовь в браке у них несколько иные, чем у молодых женщин. В их нарративах основной причиной отказа от этих ориентиров оказывается боязнь не соответствовать традиционной норме замужества — вовремя не выйти замуж, «засидеться в девках». При этом возраст в двадцать с небольшим лет они называют уже критическим: *«После техникума работала на заводе. Девчонки-подружки одна за другой выходят замуж, и я вдруг поняла, что мне уже не за горами 20 стукнет, а я еще ни разу с мальчишкой в кино не сходила, ни разу на свидание не сбегала — мне стало страшно. Я согласилась стать Сашиной женой» (55 лет).*

В нарративах молодых женщин достаточно очевидно произошедшее изменение в норме возраста для замужества женщины, так что ссылки на критический возраст как необходимость выйти замуж уже не встречаются. Свои решения выйти замуж без любви они объясняют другими причинами — непредвиденными обстоятельствами (например, беременностью), или страхом одиночества, или давлением родителей: *«Первый раз замуж вышла без любви. Из страха одиночества. Второй — собственно из-за того же страха. Я ничего не испытывала к своему мужу. Разве что чувство благодарности за то, что не оставил меня тогда в трудную минуту. Но он мне был как друг. А я-то искала любовь. Искала и не находила» (30 лет).*

Нарративы свидетельствуют также, что молодые женщины не только менее чувствительны к традиционным нормам замужества, но и демонстрируют большую, чем женщины старшей когорты, свободу и независимость в выборе партнеров для брака. Кроме того, они более откровенны в своих описаниях любовных отношений и не стесняются говорить как о своих материальных интересах, так и об интимных переживаниях: *«Потом мы стали любовниками. Любила ли я его — не знаю. Он открыл для меня прелесть секса. Но мы должны были расстаться. Он сказал, что дома (на Украине) родители его женят. После него у меня были мужчины. Я пыталась любить по расчету. Меня могли содержать, платить деньги, но мне это было противно» (23 года).*

Наряду с этими явными изменениями в нормах приватности/публичности нарративы молодых женщин подтверждают также, что наряду с официальным браком появляются разные формы сожителства и что родительство, супружество, любовные отношения и семья все больше отделяются друг от друга и становятся отдельными институтами (Захаров 2005: 130): *«Я решила рожать. Но рожать нужно было с умом. Я попросила у отца будущего ребенка разрешения. Мы были друг другу никто в смысле законно. Отягощать жизнь я никому не хотела. Но и оставаться без поддержки одна тоже не хотела. Мое к нему обращение за разрешением тогда было зовом о помощи, сейчас воспринимаю это как фарс. На работу вышла через год после рождения дочери и перестала нуждаться (как в спонсоре и как в мужчине) в ее отце, который часто жаловался, что ему трудно материально. Оплачиваю свои счета сама»* (25 лет). Кроме того, в нарративах молодых женщин их практики в семейных и гендерных отношениях выглядят более независимыми и прагматичными, чем практики женщин старшей когорты: *«Моя близкая подруга тоже разошлась с мужем, тоже примерно такая картина семейной жизни, как и у меня. Она шьет, вяжет, стрижет, делает цветы декоративные, работает надомницей по чертежам. В общем, молодец! Живет с сыном 9-летним в общежитии семейного типа. Если у нее были мужчины, она находила им всем применение: ремонт окна, утюга, магнитофона и т. д. С пустыми руками не приходили. Она понимала, найти хорошего мужа очень сложно, а любовника поить и кормить — глупо. Поэтому придерживалась, чтобы мужчина хоть чем-то был полезен»* (29 лет).

Разумеется, такого рода проявления независимости и прагматичности в семейных и гендерных отношениях можно обнаружить и в нарративах женщин старшей когорты. Однако в их нарративах откровенные заявления о материальных интересах, как правило, не встречаются, что, по всей видимости, объясняется, как уже говорилось, устойчивостью в их мировосприятии идеологически нагруженных норм советского ценностного порядка, который табуировал демонстрацию таких практик и представлений. Таким образом, можно предположить, что откровенные заявления молодых женщин об их независимости и прагматичности в семейных и гендерных отношениях свидетельствуют не только об усилении такого рода ориентаций, но и об изменении ценностного порядка в постсоветском обществе, легализовавшем эти ориентации и, так или иначе, расширившем пространство частной жизни человека.

Заключение

Рассмотрим, как можно интерпретировать изменения, которые были выявлены в автобиографических нарративах женщин этих двух поколенческих когорт в контексте неоднозначных тенденций глобального процесса демографической модернизации. И, прежде всего, в контексте одной из определяющих тенденций демографической модернизации — усиливающейся индивидуализации частной жизни современного человека.

Уже в советское время в монографии «Семья в крупном городе», основанной на межкультурных исследованиях конца 1970-х — начала 1980-х гг., усиливающаяся индивидуализация частной жизни современного человека рассматривалась в качестве определяющей характеристики изменений в сфере семьи и брака. Одним из важных выводов этого исследования было и то, что ценности семьи, брака, детей, дома лишь переопределяются в нормативном сознании, но не отменяются, а оказываются в новых соотношениях с ценностями труда, благосостояния, общественной активности, индивидуального развития (Голофаст 2004: 211). Если с этих позиций посмотреть на результаты анализа автобиографических нарративов женщин старшей когорты, то принципиально новые соотношения между упомянутыми ценностями в постсоветское время не кажутся очевидными. Скорее можно подтвердить прежние соотношения, характерные для советского времени, которые были проанализированы как в этой монографии, так и в исследованиях постсоветского времени. Это, прежде всего, устойчивость традиционных взглядов на семейные и гендерные отношения, а также противоречивое сочетание этих взглядов с эгалитарными установками советской модернизации на независимость и личностное развитие женщины.

Результаты анализа автобиографических нарративов женщин более молодой когорты, жизнь которой складывалась в постсоветское время, уже дают основания для характеристики новых соотношений семейных ценностей и произошедших изменений в семейных и гендерных отношениях. Наиболее значимые изменения это усиление прагматических ориентаций и независимости поведения женщин в этих отношениях. Можно ли характеризовать эти изменения как тенденцию индивидуализации частной жизни современного человека, или же речь идет об адаптивной реакции женщин этой когорты, формативный период жизни которых пришелся на время размытости нормативов

и легализации такого рода ориентаций в результате радикальных системных трансформаций постсоветского времени.

Если согласиться, что российская семья уже встроена в процесс демографической модернизации, то в качестве ответа на этот вопрос можно привести высказывание одного из ведущих социальных исследователей Зигмунда Баумана, который полагал, что в современном, «индивидуализированном», обществе каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, что *это не его выбор, а судьба, структурное принуждение* (Бауман 2002: 66). В то же время ответом на этот вопрос может быть и точка зрения британского демографа Д. Колмана, которая представлена в обзоре развития института семьи в постиндустриальных обществах. Он отмечает, что второй демографический переход происходит только в ряде европейских стран. А схожие тенденции могут быть обусловлены другими причинами, например, в странах Восточной Европы и России. И совсем не обязательно, что эти страны «повторят ту же европейскую траекторию» (Гурко 2011: 40).

Источники

Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63–72.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С. 106–119

Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 40–49.

Голод С. И. Современные немногамные модели семьи // Петербургская социология сегодня. 2010. Вып. 2. С. 111–126.

Голофаст В. Б. Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III, № 4. С. 122–139.

Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб.: Алетей, 2004.

Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.

Горшков М. Г. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. 2009. № 2. С. 3–21.

Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4 (13). С. 26–44.

Демографическая модернизация России. 1990–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.

Елисеева И. И., Клецин А. А. Городская семья: современные тенденции // Петербургская социология сегодня. 2010. Вып. 2. С. 127–146.

Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (23). С. 124–140.

Козлова Н. Н. Методология анализа «человеческих документов» // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.

Мецгеркина Е. Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 15–25.

Попова Д. О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синавской. М.: НИСП, 2009. С. 163–184.

Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа, 2009.

Руус П. От фермы к офису: семья, уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 139–151.

Пузанова Ж. В., Троцук И. В. Нарративный анализ: понятие или метафора // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2003. № 17. С. 56–82.

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.

Троцук И. В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006.

Фабрикант М., Магун В. Семейные ценности россиян и европейцев [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2014. 6–19 окт. (№ 613/614). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php> (дата обращения: 28.09.2018).

Ярская-Смирнова Е. П. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.

References

Ashvin S. Vliyaniye sovetskogo gendernogo poryadka na sovremennoye povedeniye v sfere zanyatosti [Influence of the Soviet gender order on modern behavior in the sphere of employment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2000, no. 11, pp. 63–72. (In Russian)

Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow, Logos, 2002. (In Russian)

Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1990–2000 [Demographic modernization of Russia. 1990–2000]. Ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow, Novoe izdatelstvo, 2006. (In Russian)

Eliseeva I. I., Kleotsin A. A. Gorodskaya sem'ya: sovremennye tendentsii [Urban Family: Current Trends]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today], 2010, iss. 2, pp. 127–146. (In Russian)

Fabrikant M., Magun V. Semejnye tsennosti rossiyan i evropejtcsev [Family Values of Russians and Europeans]. *Demoscope Weekly*, 2014, Oct. 6–19 (no. 613–614), URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php> (access date: 28.09.2018). (In Russian)

Golod S. I. Perspektivy monogamnoj sem'i: sravnitel'nyj mezhhkul'turnyj analiz [Prospects for a Monogamous Family: Comparative Intercultural Analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, no. 2, pp. 106–119 (In Russian)

Golod S. I. Sotsiologo-demograficheskij analiz sostoyaniya i evolutsii sem'i [Sociological and Demographic Analysis of the State and Evolution of the Family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2008, no. 2, pp. 40–49. (In Russian)

Golod S. I. Sovremennye nemonogamnye modeli sem'i [Modern non-monogamous family patterns]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today], 2010, iss. 2, pp. 111–126. (In Russian)

Golofast V. B. *Sotsiologiya sem'i. Stat'i raznykh let* [Sociology of the Family. Articles of different years]. St. Petersburg, Aleteia, 2004. (In Russian)

Golofast V. B. Veter peremen v sotsiologii [The Wind of Changes in Sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2000, vol. 3, no. 4, pp. 122–139. (In Russian)

Gorshkov M. G. Rossijskoe obshchestvo v sotsiologicheskom izmerenii. [Russian Society in the Sociological Dimension] *Mir Rossii* [World of Russia], 2009, no. 2, pp. 3–21. (In Russian)

Gotlib A. *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznavatel'nye i ekzistentsial'nye gorizonty* [Qualitative Sociological Research: cognitive and existential horizons]. Samara, Universe Group, 2004. (In Russian)

Gurko T. A. Institut sem'i v postindustrial'nykh obshchestvakh [Family Institute in Post-Industrial Societies]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2011, no. 4 (13), pp. 26–44. (In Russian)

Kozlova H. H. Metodologiya analiza «chelovecheskikh dokumentov» [Methodology of the Analysis of “human documents”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2004, № 1, pp. 14–26. (In Russian)

Meshcherkina E. Yu. Sotsiologicheskaya kontseptualizatsiya maskulinosti [Sociological conceptualization of masculinity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2002, no. 11, pp. 15–25. (In Russian)

Popova D. O. Transformatsiya semejnykh tsennostej i vtoroj demograficheskij perekhod v Rossii: kto v avangarde? [Transformation of family values and the second demographic transition in Russia: who is in the vanguard?] *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and children, men and women in the family and society]. Ed. by S. V. Zakharov, T. M. Malevaya, O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP, 2009, pp. 163–184. (In Russian)

Puzanova Zh. V., Trotsuk I. V. Narrativnyj analiz: ponyatie ili metafora [Narrative Analysis: concept or metaphor]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe*

modelirovanie (4M) [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)], 2003, no. 17, pp. 56–82. (In Russian)

Rossijskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa [Russian everyday life in a crisis]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Alfa, 2009. (In Russian)

Ruus P. Ot fermy k ofisu: sem'ya, uverenost' v sebe i novyj srednij klass [From Farm to Office: family, self-confidence and a new middle class]. *Voprosy sotsiologii* [Questions of Sociology], 1993, no. 1–2, pp. 139–151. (In Russian)

Semenova V. V. *Kachestvennyye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative Methods: an introduction to humanistic sociology]. Moscow, Dobrosvet, 1998. (In Russian)

Semenova V. V. *Sotsial'naya dinamika pokolenij: problema i real'nost'* [The Social Dynamics of Generations: The Problem and Reality]. Moscow, ROSSPEN, 2009. (In Russian)

Trotsuk I. V. *Teoriya i praktika narrativnogo analiza v sotsiologii* [Theory and Practice of Narrative Analysis in Sociology]. Moscow, RUDN, 2006. (In Russian)

Vishnevsky A. G. *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and the Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, OGI, 1998. (In Russian)

Yarskaya-Smirnova E. R. Narrativnyj analiz v sotsiologii [Narrative Analysis in Sociology]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 1997, no. 3, pp. 38–61. (In Russian)

Zakharov S. Perspektivy rozhdemosti v Rossii: vtoroj demograficheskij perekhod [Fertility Prospects in Russia: the Second Demographic Transition]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2005, no. 3 (23), pp. 124–140. (In Russian)